
DOI 10.15826/QR.2016.1.151

УДК 801.82+808.1+82-7+159.9.016.1

**ОТ ЖЕЛЧИ ЮВЕНАЛА К «ПЕЧЕНКАМ»
РАСКОЛЬНИКОВА У ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО**

Валерий Мароши

Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск, Россия

**FROM JUVENAL'S BILE TO THE 'LIVERS'
OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S RASKOLNIKOV***

Valery Maroshi

Novosibirsk State
Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

The article examines the origin of bile and liver as somatic metaphors of the character's emotional state and of the mode of satire in European and Russian literatures. Bile in fiction is a metaphor of the emotional state of the character, the narrator and the author rather than a 'flesh' motif. The interdependence between the bodily and emotional aspects of the character suggests the importance of "bile" for the verbal behavior and corporeality of the marginal and rebellious characters (outsiders and 'bilious people') in Russian literature of the early – mid-19th century. Typologically, it is close to the European character of 'melancholy' and 'spleen'. In addition, in European and Russian literatures bile became a synecdoche of the satirical mode as a whole and entered, as an emotional tone, the set of the characteristic features of the diatribe.

Keywords: satire; corporeality; liver; bile; spleen; temperament; character; poetics; world literature.

* *Citation:* Maroshi V. (2016). From Juvenal's Bile to the 'Livers' of Fyodor Dostoyevsky's Raskolnikov. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 1, p. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151.

Цитирование: Maroshi V. From Juvenal's Bile to the 'Livers' of Fyodor Dostoyevsky's Raskolnikov // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151 / Мароши В. От желчи Ювенала к «печенкам» Раскольникова у Федора Достоевского // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 209–232. DOI 10.15826/QR.2016.1.151.

В статье исследуется происхождение желчи и печени как телесных метафор эмоционального состояния героя и модуса сатиры в европейской и русской литературе. Желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажей-маргиналов (лишних людей и «желчевиков») в русской литературе начала-середины XIX. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекdochическим обозначением всего сатирического модуса и вошла на правах эмоциональной тональности в набор жанровых установок диатрибы.

Ключевые слова: сатира; телесность; печень; желчь; селезенка; темперамент; персонаж; поэтика; мировая литература.

Цель статьи – проследить трансформацию античных метатекстовых метафор и мотивов в риторике латинской сатиры, которые изначально связаны с желчью и больной печенью, а в русской литературе оказали влияние на формирование литературного архетипа озлобленного героя-маргинала. Его типаж, в отличие от известного литературного памфлета А. Герцена («Лишние люди и желчевики», 1860), мы определяем через очевидную преемственность дискурсивных и психофизических установок двух разных поколений – «лишних людей» и «желчевиков».

Напомним, что одним из самых влиятельных на протяжении более двадцати столетий в медицине и психологии стало «гуморальное» учение Гиппократов о четырех жидкостях (крови, слизи, желчи желтой и желчи черной). В зависимости от того, какая жидкость преобладает в организме человека – слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки) – выделялись четыре темперамента, которые впоследствии назовут сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим (черная желчь). Слизь связана со стихией воды, кровь – воздуха, желтая желчь – огня, черная – земли. Различия в соках у разных людей определяют различия в нравах, а преобладание одного из них обуславливает темперамент человека. Напомним также, что печени и селезенке в Античности придавалось гораздо больше значения, чем сейчас: первая отвечала за чувственные вожделения души, но была и источником вещих снов, селезенка («вторая печень») отвечала за раздражение и гнев. Забегая вперед, укажем, что желчь печени и «сплин» селезенки («сплин» и происходит от древнегреческого σπλήν – селезенка), желчь желтая и черная, в риторике литературы к началу XIX в. станут близкими по смыслу метафорами негативного, раздраженного отношения автора и героя к миру.

Как известно, сама римская сатира (*satira*) – жанр оригинальный, независимый от древнегреческой системы жанров, этимология которого восходит к гастрономическому образу «смеси; мешанины»: «*satira*; ae f 1) (sc. *lanx*) блюдо с различными плодами; *перен.* смесь, всякая всячина: *per saturam* SI в беспорядке, вперемешку, без плана; 2) (v. l. *satira*) сатира (стихотворное произведение; вначале – типа драматическо-песенной импровизации, впоследствии (с Энния) – нравственно-назидательного, и наконец (с Луцилия и Горация) – обличительного содержания)» [Дворецкий, с. 687]. Гастрономическая по происхождению метафора, давшая название «пестрому» с тематической и стилистической точек зрения жанру, в свою очередь, в какой-то степени повлияла на соматическую метафору инвективной сатиры как эмоционального «истечения желчи».

Желчь – распространенная метатекстовая метафора в римской сатире, характеризующая уже не столько телесное, сколько эмоциональное состояние автора или рассказчика. Латинские синонимы «*bilis*» и «*fel, fellis*», обозначающие желчь, различались, помимо грамматического рода, тем, что первое слово использовалось для называния желчи как текущей жидкости, тогда как второе – желчи внутри желчного пузыря и самого пузыря: «(*abl. i* и *e*) *f.1*) желчь *b. suffusa PM* – разлитие желчи; желтуха; 6) *pl. biles PM* черная и желтая желчь (по гуморальной теории Гиппократата); 2) желчное настроение, гнев, негодование, досада: *bilem habere Sen* – сердиться, быть в гневе, *bilem movere Pl* (commovere C) – приводить в гнев; *atra (nigra) b. C*; *тж. atrae bilis morbus CC* – угнетенное состояние, мрачное настроение, меланхолия» и «*fel; fellis*» *т. 1*) желчный пузырь; желчь (*в желчном пузыре; bilis* желчь как жидкость) C; *Pall*; CC; CA; 2) желчность; горечь; злоба; ненависть (*corda felle sunt lita Pl*); гнев (*atrum fel V*); 3) яд (*f. vipereum O*); [Дворецкий, с. 103, 321]. В латинской поэзии в метафорическом смысле «злобы» и «гнева» употребляется почти исключительно «*bilis*».

Якобы вечная противоположность двух поэтов-сатириков, Горация и Ювенала, создавших два образцовых типа сатиры, была основана на представлениях о «спокойствии» и «снисходительности» Горация, которым противопоставлялись «пламенность» и «желчь» (насмешка, злость) Ювенала. Между тем, именно у Горация в первой книге его «Посланий» (19; ст. 17–20) мы находим эксплицированную поэтическую рефлексия «желчи» и «смеха»:

Ó imitátorés, servúm pecus, út mihi sáepe
Bílem; sáepe jocúm vestrí movére tumúltus.
[Quinti Horatii Flacci, p. 319].

(О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила желчь мне и часто мой смех возбуждала!)
(Пер. М. Дмитриева).

В 9-й «Сатире» Горация смех автора вытеснен желчью, которую выделяет печень: «Male salsus / Ridens dissimulare: meum jecur urere bilis» («Злой шутник, смеясь, притворяется: печень моя желчью томится» (Перевод мой. – В. М.) [Quinti Horatii Flacci, p. 893]. Здесь прямой и переносный смысл слова сталкиваются в пределах одного контекста: смех и притворство собеседника вызывают раздражение и злость нарратора, его печень выделяет желчь, таким образом, физиология автора и его эмоции взаимообусловлены.

Тем не менее, русский критик Н. Надеждин, выражая тем самым давно устоявшееся мнение, интерпретировал сатиры Горация как произведения флегматика или меланхолика, в которых выразилась физиология их создателя: в них, по его мнению, «не было ни слишком кипучей желчи, ни слишком горячей крови. Натура уделила ему довольно терпения для того, чтобы щадить человеческую природу в самых отвратительнейших ее искажениях, и довольно степенности для того, чтобы сохранять меру, предписываемую благоразумием, в самые соблазнительные минуты сладчайшего упоения» [Надеждин, 1830, с. 259].

Представлениям о «желчи» сатир Ювенала дал повод сам автор. В первой сатире, выполнившей роль авторского метатекста, или, если угодно, поэтического манифеста, он, противопоставляя свою поэзию тогдашнему мифологическому «постмодернизму» большинства современников, заявляет:

...Quid referam quanta siccum iecur ardeat ira,
cum populum gregibus comitum premit hic spoliator
pupilli prostantis et hic damnatus inani
iudicio? quid enim saluis infamia nummis?
exul ab octaua Marius bibit et fruitur dis
iratis, at tu uictrix, prouincia, ploras.
haec ego non credam Venusina digna lucerna?
haec ego non agitem? sed quid magis?

[Juvenalis Junius]

*(Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая печень,
Ежели давит народ толпой провожатых грабитель
Мальчика, им развращенного, то осужденный бесплодным
Постановленьем суда: что такое бесчестье – при деньгах?
Изгнанный Марий, богов прогневив, уже пьет спозаранку:
Он веселится – и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать везузинской лампы достойным?
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?)¹*

¹ Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского по изд.: [Ювенал].

Нас здесь интересует, конечно, первая строчка, с которой и начинается развернутое авторское кредо Ювенала-сатирика. К вполне точному переводу следует добавить, что «*quid referam*» – «стоит ли мне рассказать», «*siccum*» – «сухой», «*iesur*» – «печень», «*ardeat*» – «горит, пылает», «*ira*» – «гнев, раздражение». Другая метафора из этой строчки («пылает») обусловила восприятие Ювенала как основоположника не только «желчной» сатиры, но и «музы пламенной сатиры», сатиры сильных аффектов. На этом стоит остановиться чуть подробнее.

Античная теория гуморов, как уже было сказано выше, восходила еще у Гиппократ к четырем стихиям. Воспользуемся для иллюстрации образцовым по краткости и хорошо известным еще Древней Руси перечнем Иоанна Дамаскина:

Должно же знать, что есть четыре стихии: земля, которая – суха и холодна, вода, которая холодна и влажна, воздух, который влажен и горяч, огонь, который горяч и сух. Подобным образом есть также и четыре влаги, которые соответствуют четырем стихиям: черная желчь, которая соответствует земле, ибо она – желчь – суха и холодна, слизь, соответствующая воде, ибо она – слизь – холодна и влажна, кровь, которая соответствует воздуху, ибо она влажна и горяча, желтая желчь, которая соответствует огню, ибо она горяча и суха. Плоды, конечно, состоят из стихий, а влаги (или соки) – из плодов, тела же живых существ – из влаг, и в них разрешаются [Дамаскин, с. 154].

Исидор Севильский в 125-м фрагменте своих «Этимологий» возводил само слово «*iesur*» к латинскому «*ignis*», «огонь»: «*iesur, nomen habet, eo quod ignis ibi habeat sedem, qui in cerebro subvolat*» [Isidor de Sevilla, p. 63]. Это сохранилось и в этимологии русской «печени»: «печень» – общеславянское слово, первоначально означавшее «жареное блюдо», то, что пекли на огне, а родственное ему слово – «печаль». В свою очередь, «печаль» «печет» изнутри.

Общеизвестно, насколько значима была печень как вместилище, с одной стороны, чувственных влечений и эмоций души, «сердце», а с другой – как проводник воли богов для античной философии и мантики («гаруспиции»). Возможно, ἥπαρ («печень») и πῦρ («огонь»), как и в русском языке, представлялись для архаичного мышления происходящими от одной общей образной основы. Прометей, укравший, по мифологическому преданию, огонь у богов-олимпийцев, совсем не случайно был осужден на ежедневные терзания его регенирирующей («бессмертной») печени: в античных мифах, во всяком случае, в их литературном изложении, зачастую использовались синкретичные с точки зрения этимологии образы. Возможно, что больная печень антигероя «Записок из подполья» и Раскольникова – мифопоэтическая вариация в литературе архаической телесности героя-богоборца,

дерзнувшего бросить вызов верховному божеству-громовержцу, изначально тоже связанному с огнем (корень *Per-*).

Итак, первоначально печень автора, а не истекающая из нее желчь становится источником его сатирической злости. Но остальное «додумывали» уже современники и потомки, воспитанные на теории «гуморов» организма. Печень усиленно вырабатывает желчь, истечение которой становится метафорой раздражительности поэта-обличителя. Любопытно, что «юмор» как одна из граней сатирического дискурса, представления о которой сформировались поздно, в XIX в., будет тоже обусловлен «гумором» организма как цельной психофизиологической метафорой.

С другой стороны, в христианской культуре не менее влиятельным стал мотив принудительного напояния желчью как часть «*imitatio Christi*»: «даша Ему пити оцет с желчию смешен: и вкушь, не хотяше пити» распятием (Матф. XXVII : 34). Так, в рассказе «Похороны» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1878) сердца русских литераторов-мучеников поит желчью сама литература:

О, литература! о, змея-мачеха всех этих отщепенцев! ты, постылая! ты, напояющая оцтом и желчью сердца своих деятелей! ты, ты была предметом их внезапно оживившегося собеседования! Много сетований, много гнева слышалось в их речах, но еще больше бесконечной любви к постылому ремеслу и какой-то детской уверенности, что все-таки только тут, на этом тернистом пути, кишашем всевозможными гадами, можно спасти душу [Салтыков-Щедрин].

В античном варианте источником желчи был сам автор или герой, в христианском он стал уже жертвой гонителей и врагов на своем крестном пути, на первый же план вышла символика страдающего сердца, а не печени, как в Античности.

Место страдающей печени в русской культуре чаще всего занимали «голова» / «рассудок», которые противопоставлялись страдающим «сердцу» / «душе» как источникам «любви» и «слез». Спор Обломова с журналистом и литератором Пенкиным в романе «Обломов» можно рассматривать как фундаментальный именно для русской литературы (источник злости «реального направления» в литературе – именно «голова»):

– В их рассказе слышны не «невидимые слезы», а один только видимый, грубый смех, злость...

– Что ж еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость – *желчное* гонение на порока, смех презрения над падшим человеком... тут все!

– Нет, не все! – вдруг воспламенившись, сказал Обломов. – Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь.

Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь [Гончаров, с. 32].

Сердце заменяет печень для русского поэта даже в аллюзии на муки Прометея:

Вадим ехал скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце... [Лермонтов, т. 2, с. 315].

Представления о «Ювеналовой желчи» как о своего рода синекдохе «желчи сатиры» вообще стали одним из «общих мест» европейской словесности риторического периода. Так, оценивая роль сатир М. Дмитриева в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), Н. В. Гоголь приписывает ему «желчь Ювенала» как одно из клише положительной оценки сатирика: «...и талантливые пародии Михаила Дмитриева, где *желчь* Ювенала соединилась с каким-то особенным славянским добродушием» [Гоголь, с. 245]. Эта оценка, конечно, не вполне соответствует поэтике конкретных пародий, которые дошли до нас, использование стереотипа можно объяснить лишь его высокой распространенностью в оценках русской литературной критики.

Нет сомнений, что на пути от римской сатиры к европейской литературе Нового времени в создании репутации Ювенала принимали участие и крайне авторитетные посредники. Наиболее важна была оценка Н. Буало в его седьмой «Сатире»: «Ou bien quand Juvénal, de sa mordante plume // Faisant couler des flots de fiel et d'amertume, // Gourmandait en courroux tout le peuple latin» [Oeuvres de M. Boileau, p. 45] («Когда же Ювенал своим язвительным пером // вызывал потоки желчи и горечи» (Перевод мой. – В. М.). В своей «Поэтике» он определяет стихотворные комедии Менандра как жанр без «яда и желчи»: «Sans fiel et sans venin sut instruire et reprendre, // Et plut innocemment dans les vers de Ménandre» [Batteux, p. 53] («Тут стал учить Менандр, питомец вечной славы, // В комедиях своих без желчи и отравы» (пер. Г. С. Пиралова).

В отличие от римских поэтов-сатириков, Буало несколько раз прокомментировал «желчную» эмоциональную и стилевую тональность своих сатир в метатекстовых фрагментах стихотворений. В «Discours au roi» (1665) он сравнивает себя с пчелой, собирающей вместо меда желчь: «Comme on voit au printemps la diligente abeille // Qui de butin des fleurs va composer son miel // Des sottises du temps je compose mon fiel: // Je me vais a toutes parts ou me guide ma veine» [Oeuvres de M. Boileau, p. 180] («Как весной прилежная пчела, // Которая из

цветов собирает свой мед, // Так и я из глупостей моего времени слагаю свою желчь: // Я иду туда, куда ведет меня поэтическое вдохновение»). В 5-й сатире это муза поэта: «...ma Muse en fureur // Verse dans ses discours trop de fiel et d'aigreur» [Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux, p. 93] («Моя Муза в ярости // Льет в свои речи слишком много желчи и горечи» (Перевод мой. – В. М.).

Наиболее употребительным в литературе французского классицизма в метафорическом смысле сначала стало существительное «fiel», образованное от латинского «fel, fellis». Вокруг него сформировались идиоматические смыслы, связанные с письменным и устным дискурсом: «Plume trempée dans le fiel, manière d'écrire pleine d'amertume et de méchanceté. On dit dans un sens analogue: langue trempée dans le fiel» [Dictionnaire Littré] («Перо, которое обмакнули в желчь» – о манере письма, полного горечи и злости. В том же смысле говорят: язык, который обмакнули в желчь (Перевод мой. – В. М.). В трактатах же французских философов и физиологов конца XVIII в. для обозначения процессов, происходящих в организме человека, будут активно употребляться существительное «bile» и прилагательное «bilieux», круг значений которых в итоге станет существенно шире, чем «fiel» и его производные.

Наиболее цитируемой книгой, типологизирующей общность сложения, физиологии и функционирования эмоциональной и интеллектуальной сфер человека на основе античного учения о четырех типах темперамента, стал труд медика и философа Пьера Кабаниса, ученика Э. Б. Кондильяка, «Rapports du physique et du moral de l'homme» (1802) и труды, в той или иной степени подтверждающие его наблюдения (см., например: [Mauricet, p. 19–21]). Именно эти два темперамента, «желчный» и «меланхолический», связанные с преобладанием особой разновидности желчи, вызывали со времен Античности интерес философов, которые видели в этих «гуморах» наиболее отклоняющиеся от ординарного типы поведения выдающихся исторических деятелей («холериков») и углубленных в себя творцов-мыслителей («меланхоликов»). Сангвиники и флегматики воспринимались как типы наиболее «здоровые», которые принадлежат к большинству человечества, его «середине». Естественно, что в эпоху романтизма с его склонностью к исключительному, необычному этот интерес к «людям желчи» еще более обострился.

К середине XIX в. представления философов-материалистов, настаивавших на физиологической обусловленности духовно-эмоциональных процессов, уже как бы подтверждали сложившееся в XVII–XVIII вв. во Франции солидарное мнение о различии римских поэтов-сатириков. К традиционной желчи Ювенала век позитивизма и материализма добавлял еще и «плохое пищеварение» римского поэта:

Vavassor trouve qu'Horace s'insinue doucement dans les esprits et les instruit en riant, que Perse, avec un ton sardonique, veut prêcher la philosophie et que Juvénal, comme un homme *bilieux* et qui fait mauvaise digestion, s'indigne de tout [Bergeron, p. 337].

(Вавассор² считает, что Гораций нежно проникает в души, учит их, смеясь, что Персий проповедует в сардоническом духе философию и что Ювенал как человек желчный и с плохим пищеварением возмущается всем (перевод мой. – В. М.)).

Таким образом, за «bile» в языке литературной критики будет закреплена «физиология литературы», где разность сатирического дискурса порождается либо изначальной разностью организмов поэтов, либо их различными функциональными состояниями, связанными с расстройствами печени, желчного пузыря и пищеварительной системы в целом, а за «fiel» – метафорические смыслы широкого поля «негативной оценки» (злость, раздражение, гнев) и «злоречия».

Для русской же литературы и литературной критики разность коннотаций этих двух слов не была существенна, поскольку похожий феномен обозначался одним словом. Однако в эпоху влияния европейского романтизма на русский у «желчи» как метафоры, обозначающей поэтический аффект, появился еще один сильный конкурент из сферы психосоматики – состояние «сплина». В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин попытался найти ему русский эквивалент, выделяя модный англицизм курсивом:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...
[Пушкин, 1986, т. 2, с. 200].

Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*...
[Там же, с. 201].

Между двумя контекстами сплина героя и повествователя (строфы XXXVIII и XLII) вполне естественна аллюзия на его литературный источник:

Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный,
В гостиных появлялся он...
[Там же, с. 200–201].

² Ф. Вавассор, авторитетный французский ученый-иезуит XVII в.

У Пушкина сплин возвращает себе утраченную европейской поэзией «телесность», он воплощен в выражении лица героя:

Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице?

[Там же, с. 267].

Английское «байроническое» происхождение слова все же требует некоторого комментария. Слово было заимствовано из древнегреческого σπλήν (*splḗn*), оно стало в английском языке идиоматическим обозначением не столько самой селезенки, сколько сердца, как то было с печенью в Античности: «to be good-spleened» (εὖσπλαγχνος, *eúsplankhnos*) и означало «to be good-hearted or compassionate». Оно прочно укоренилось в XVIII в. как характеристика ипохондрических или истерических аффектов. Английское название селезенки дало название ипохондрии, сплина и связанных с этим заболеванием причуд: «spleen 1) *анат.* селезенка; 2) злоба, раздражение, to vent one's spleen upon smb. – сорвать злобу на ком-л.; 3) *устар.* сплин, хандра» [Мюллер, с. 1192]. Соматическая идиоматика романских языков поддерживает английский в отношении селезенки (*франц.* rate) и печени (*исп.* figado) как органов, порождающих «злость»: во французском языке употребительны такие выражения, как *ne pas se fouler la rate* («не надрываться на работе», *досл.* – «не копать в своей селезенке») или *se dilater la rate* («смеяться до слез», *букв.* – «растягивать себе селезенку»), «радоваться» – «очистить селезенку / очистить печеньку» – «*désopiler la rate, desopilar o figado*», расширить селезенку как «радоваться» / «*dilater / épanouir la rate*», «*alegrarse a uno la/s pajarilla*» – «радоваться» как «радоваться у кого-то на селезенке».

«Spleen» как обозначение не селезенки, а эмоционального состояния встречается уже у Шекспира. Однако только Мэтью Грин (1696–1737), автор поэмы «The Spleen», наиболее выразительно раскрыл его возможности. Выше мы уже писали, что связь между селезенкой как органом и меланхолией или раздражением, которые она вызывает, восходит к древнегреческому учению о гуморах, в котором «черная желчь» вырабатывается именно селезенкой. Так, метонимическое значение слова («селезенка» – «аффекты, вызываемые ей») стало обозначать эмоциональное состояние. «Сплин» успешно соперничал в русской словесности в период романтизма с романско-французской «желчью».

Для европейской литературы понятие «сплин» стало по-настоящему влиятельным только после того, как было вынесено в заглавия циклов стихотворений и прозы Ш. Бодлера «Spleen et Idéal» (1857), «Le Spleen de Paris» (1869). Несмотря на это, уже в «литературном портрете» Байрона для современников, а затем и потомков значим именно «spleen». Например, как в вышедшей сразу после его смерти биографии: «his irritable spleen at every cross of his humour», «...and hence many of his effusions of spleen», «Gloom, spleen, misanthropy...», «Misanthropy, spleen, and bitterness...» [Brydges, p. 67, 33, 51,

63]. «Spleen» стал визитной карточкой Байрона далеко за пределами англоязычной культуры.

Между тем, собственно мотив сплина встречается у Байрона начиная с самых ранних стихов («Weary of love, of life, devoured with spleen...» [Byron, p. 7]), однако его никак не отнесешь к распространенным в текстах поэта. Сам Байрон употреблял это слово только в негативном смысле. Возможно, как это произошло и с «желчью Ювенала», все дело в метатекстуальной значимости мотива, вынесенного поэтом в свой вариант («Ars poetica» – «Hints from Horace») как эмоциональной установки английской сатиры: «Satiric rhyme first sprang from selfish *spleen*. // Doubt – see Dryden, Pope, St. Patrick's Dean» [Ibid., p. 26] («Исток сатирической поэзии – эгоистичный сплин. // Вы сомневаетесь – прочтите Драйдена, Попа, декана собора С. Патрика» (Перевод мой. В концовке имеется в виду Д. Свифт. – В. М.).

Однако и для сатирического модуса традиция психофизиологической метафоры желчи для Байрона была ощутимее. Во второй песне (строфа CCXV) сатирической поэмы «Дон-Жуан» (1819) Байрон создает развернутый поэтический образ печени, которая является вместилищем страстей и пороков:

The liver is the lazaret of bile,
But very rarely executes its function,
For the first passion stays there such a while,
That all the rest creep in and form a junction,
Like knots of vipers on a dunghill's soil
Rage, fear, hate, jealousy, revenge, compunction
So that all mischiefs spring up from this entrail,
Like Earthquakes from the hidden fire called «central».

(А печень – нашей желчи карантин,
Но функции прескверно выполняет:
В ней первая же страсть, как властелин,
Такую тьму пороков вызывает,
В ней злоба, зависть, мстительность и сплин
Змеиные клубки свои свивают,
Как из глубин вулкана, сотни бед
Из недр ее рождаются на свет.)

(Пер. Т. Гнедич)

Изображение печени и селезенки как центров чувственной и нравственной порочности, как мы уже показали выше, запечатлено в общеевропейской соматической фразеологии. Из «Писем» Байрона, датированных 1819 г., становится ясно, что это не просто отчужденная от конкретного автора поэтическая риторика – созданию второй песни сопутствовали длительная диспепсия, тошнота, боли в желудке [см. об этом: Shears].

Но если источником сатиры и большей части пороков, которые она обличает, была печень, а селезенка в конечном счете породила состояние «сплина», то с самой «черной желчью» или меланхолией дело обстояло гораздо сложнее. Меланхолия, или «черножелчье» – одно из важнейших эмоциональных и ментальных состояний автора и героя в эпохи сентиментализма и романтизма. Это было очевидно и для самих участников литературного процесса [см.: Жуковский; Надеждин, 1829], и для современных историков литературы [см.: Садовников; Pfau]. Именно меланхолия как аффект в культуре Нового времени потеряла связь с телом, перестав восприниматься заодно и как душевная патология. Источник меланхолии был вынесен вовне не только тела, но в конечном счете даже и души, само же «черножелчье», в отличие от желчи, предстает в поэзии и эссеистике переживанием, которое не связано так жестко с каким-либо литературным модусом и теряет отчетливые границы в «негативном» отношении к миру. В знаменитой «Анатомии меланхолии» Р. Бертона (1621) она определяется так:

Melancholy which goes and comes upon every small occasion of sorrow, need, sickness, trouble, fear, grief, passion, or perturbation of the mind, any manner of care, discontent, or thought, which causes anguish, dulness, heaviness and vexation of spirit, any ways opposite to pleasure, mirth, joy, delight, causing forwardness in us, or a dislike. In which equivocal and improper sense, we call him melancholy, that is dull, sad, sour, lumpish, ill-disposed, solitary, any way moved, or displeased [Op. cit.: Radden, p. 130].

Уже в XVIII в. клише «желчь» как «желчь сатиры» стало характеристикой преобладающей тональности сатирического дискурса в русской критике. Так, В. К. Тредиаковский в своем компилятивном «Рассуждении о комедии вообще...» (1764), разумеется, повторяет это общее место европейской поэтики, явно осуждая крайности подобной демократической сатиры:

Никто не обойден в городе толь вольном или, лучше, толь самовольном, каков был тогда Афины. Полководцы, градоначальники, правление, сами боги – все было предано сатирической желчи пиитов, да и все то было угодно, только б комедия была увеселительна и приправлена солию, то есть вкусом аттическим. [Цит. по: Берков, с. 53].

В XIX в. мотивировка «желчи» как эстетического аффекта будет связана с сатирической установкой повествования в отдельных фрагментах текста или с творчеством в целом. Обычно она раскрывается в авторских метатекстах разного типа или в литературно-критических оценках: «Я на досуге пишу новую поэму “Евгений Онегин”, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» [Пушкин, 1937, т. 13, с. 80]. Сравним с автокомментарием П. А. Вяземского по поводу

обстоятельств создания сатиры «Сибирякову» (1819): «...Меня рвет желчью стихотворной. <...> Я писал горячо» [Вяземский, 1958, с. 440]. «Ведь одной поэзии желчи, негодования и скорби слишком мало для души человека. Но теоретики решительно сумели уверить своих последователей, что это одно только и нужно» [Григорьев, с. 298]; «Неужто всегда истинная поэзия? И разве не бывает таких эпох, когда желчь заменяет чувство, и “современники” готовят памятники не поэтам, а желчным стихотворцам при жизни их?» [Дудышкин, с. 128]; «...ясно, что расстроенная печень Писемского будет портить каждое новое произведение этого сильного таланта и превращать каждый новый роман его в “Взбаламученное море” авторской желчи» [Писарев].

В стихотворении-манифесте Некрасова на смерть Гоголя (1852) был сформулирован специфический идеал русского поэта-сатирика, сочетающего в себе черты Ювенала и христианского мученика:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства...

<...>

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой
[Некрасов, т. 1, с. 183].

Еще более глубоким, но уже в аспекте мифопоэтики, стало лирическое продолжение Я. Полонским некрасовской поэтической программы («Блажен озлобленный поэт...», 1872). Полонский эксплицировал прометеевский титанизм и богоборчество новых поэтов, сохранив их «христоподобие» в аллюзии на евангельскую чашу с оцтом и желчью:

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.

Он, как *титан*, колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он – уму,
И от *богов* не ждет ответа.

<...>

Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен – и велик.
[Полонский].

Всеобъемлющий символический образ такого богоборца в начале XX в. создаст Вяч. Иванов в своем «Прометее» (1919). Его мятежный герой, как и положено титану, выходец из хтонического мира пещеры и подземелья (ср. «подполье» у Достоевского), похищает огонь для людей и готовит им чашу с желчью:

А потому, что *быть* их приневолил
В дрему запавший бдительный *огонь*.
Избранников немного: в них живеи,
Богаче *пламенеющая жила*,
Им жизнь мила и ненавистна смерть...
Но бóльшего не мог соделать я:
Чтó мог, соделал, – и ко благу все!...
Приманками любезна станет жизнь
И прелестью мечтательной и лживой.
Когда по краю будет ослащен
Сосуд, чтó я поднес им, *желчи полный*, –
И *желчь полюбят*, и привыкнут жить,
Из рода в роды тщась и соревнуя
Игралища творить, утехы множить.
Измыслят грады зиждить, торговать,
Воинствовать, художествовать, числить,
И рабствовать, и властвовать
[Иванов, с. 56–57].

В наиболее значительных сатирических произведениях герой-резонер, близкий автору, стал подобием самого сатирика: «Чацкий, пожалуй, мастерской сатирик, но он плохое действующее лицо в комедии. Все прочие лица сценические хористы» [Вяземский, 1999, с. 243]. Разумеется, Чацкий должен был стать героем «желчи и огня» – и он таковым является: «Заметно, что вы желчь на всех излить готовы; «И на весь мир излить всю желчь и всю досаду»; «С жаром целует руку»; «И дым Отечества нам сладок и приятен!»; «Велите ж мне в огонь: пойду как на обед»; «Они тотчас: разбой! пожар!»; «Пушусь подалее простыть, охолодеть...»; «Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой»; «Ах! голова горит...»; «Из огня тот выйдет невредим»; «Что? что? Уж нет ли здесь пошара?» [Грибоедов, с. 21, 25, 56, 62, 71, 81, 83, 91, 93, 114]. Добавим к этому определения Чацкого критиками как «огненного», «пылкого», «пламенного» (Н. Полевой, А. Пушкин, О. Сомов и др.). Известная этимология «чад – Чадский – Чацкий» («Весь чад и дым // Надежд...» [Там же, с. 91]) и оттеняющее героя имя Загорецкого еще более укрепляют архаическую и риторическую связь «огня» и «желчи» в мятежном и желчном Чацком. Вместе с сатирической желчью он приносит Прометеев огонь в «холод» снежной России («И день и ночь по снеговой пустыне // Спешу к вам голову сломя»). Его сменяет «охладевший» герой иного типа, Онегин, который

связан, как уже указывалось выше, и с иным источником злости – байроническим сплином: «Нет: рано чувства в нем остыли», «Но к жизни вовсе охладел» [Пушкин, 1986, т. 2, с. 200, 201]. Злость и разочарованность временно сближают его с «остывшим» автором:

Я был озлоблен, он угрюм,
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоих нас,
В обоих сердца жар угас
[Там же, с. 202].

Тем не менее, сатирический потенциал героя сохраняется, он играет в повествовании первой главы роль отчасти «сатирика», как Чацкий, тем более, что он знаком со стихами Ювенала и сочиняет «эпиграммы»:

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале...
[Там же, с. 189];

Сперва Онегина язык
Меня смущал, но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм
[Там же, с. 203].

В отличие от Пушкина, в творчестве Лермонтова достаточно рано обозначился интерес к кавказскому варианту сюжета о Прометее (обстоятельно рассмотрен в статье: [Гроссман]). «Ювеналова желчь» по отношению к современникам стала общим местом фрагментов большинства мемуаров о поэте и его программных стихов: «И дерзко бросить им в глаза железный стих, // Облитый горечью и злостью!» [Лермонтов, т. 1, с. 185]. С тех пор оценка Лермонтова как желчного поэта стала общераспространенной: «За грусть и желчь в своем лице // Кипенья желтых рек достоин» («На Кавказе», 1924) [Есенин, с. 234], «Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд, // своей презрительности яд» [Евтушенко]. Однако только в «Герое нашего времени» все эти линии сошлись с «физиологическим» и «медицинским» дискурсом в описаниях персонажей и самоописаниях героя-рассказчика. Уже имя героя связывает его с и «печью», и с «печорой» / пещерой, огнем, а тем самым – и печенью. На первый план в его рефлексии и монологах порой выходят диспепсические расстройства и злость:

«Отчего вы так печальны, доктор? <...> Вообразите, что у меня *желчная горячка*, я могу выздороветь, могу и умереть... старайтесь смотреть на меня как на пациента, одержимого *болезнью*, вам еще неизвестной... Вы можете сделать несколько важных физиологических наблюдений...» [Лермонтов, т. 2, с. 566]; «Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок» [Там же, с. 537]; «Я вернулся домой... *ядовитая злость* мало-помалу заполняла мою душу. <...> Я не спал всю ночь. К утру я был *желт*, как померанец» [Там же, с. 556]; «Желчь моя взволновалась. Я начал шутя – и кончил искренней злостью» [Там же, с. 542].

Современный терапевт даже ставит лермонтовскому персонажу диагноз: «...у Печорина имела место интермиттирующая желтуха, которая провоцировалась нервно-психическим возбуждением» [Губергриц]. «Желчь» как черта поведения Печорина, типического «лишнего человека», была усилена благодаря Белинскому, который в своей статье о романе еще более усилил ее в герое, употребив шесть раз слово «желчный» и его производные. Цепочку желчных героев достойно продолжает Андрей Болконский: «– C'est un sujet nerveux et bilieux, – сказал Ларрей, – il n'en rechappera pas» («Это человек нервный и желчный, он не выздоровеет») [Толстой, т. 1, с. 368].

Сема «желчный» к середине XIX в. содержалась и в русских словарных определениях сатирических жанров, например, диатрибы: «Диатриба – *греч.* diatribe, от diatribo, раздавить, разрушить. Желчная критика» [Михельсон А. Д., с. 254]; «Диатриба – едкая, желчная критика, длинное разглагольствование» [Михельсон, с. 283]; «Диатриба (*ж., греч.*) – жолчная критика, основанная на личностях» [Даль, т. 1, с. 1091]; «Диатриба – *греч.* diatribe, от diatribo – раздавить, разрушить). Резкая желчная критика» [Чудинов, с. 308]. Таким образом, на первый план вышла как бы «физиология» жанра, его гневная, обличительная, злая, язвительная тональность – «желчная».

В русской литературе такие диатрибы произносит порой и «желчный» больной герой в буквальном физиологическом смысле этого слова. Его речевая стратегия тоже основана на «желчи», включающей в себя, как и другие метафорические смыслы, разные оттенки обличения, насмешки, злости, резкости. Жанровые установки диатрибы в европейской литературе Нового времени совпадают с теми, которые были обозначены в русских словарях: «Écrit ou discours dans lequel on attaque, sur un ton violent et souvent injurieux, quelqu'un ou quelque chose, critique violente» [Le Trésor de la langue française]; «A forceful and bitter verbal attack against someone or something, a long and angry speech or piece of writing attacking and criticizing somebody/something» [Oxford English Dictionary].

Как известно, диатриба как один из жанров, образующих «мениппею», привлекла в свое время внимание М. М. Бахтина. Он проигнорировал актуальное назначение жанра, стремясь выявить те его черты, которые восходили к диатрибе кинической литературы. Тем не

менее, в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского Бахтин все-таки отмечает и черты диатрибы Нового времени – обличительной, «злой»: «Характерно нарастание отрицательного тона (назло другому) под влиянием предвосхищенной чужой реакции...» [Бахтин, с. 266]. В начале монолога антигероя Достоевского на первый план выдвинуты параллелизм аффекта необъяснимой злости и болей в печени:

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. <...> Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью, я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу «нагадить» тем, что у них не лечусь, я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит! [Достоевский, т. 4, с. 452–453].

Далее самопрезентация героя будет включать в себя постоянную фиксацию «желчного» эмоционального состояния:

«Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...» [Там же, с. 453]; «Я такому человеку до крайней желчи завидую. <...> Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи...» [Там же, с. 479]; «То есть я там вовсе не гулял, а испытывал бесчисленные мучения, унижения и разлития желчи» [Там же, с. 489]; «Тоска и желчь снова накалились и искали исхода» [Там же, с. 517].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в творчестве Достоевского, непосредственно предшествовавшем «Запискам из подполья» (1864), рассказчиком уже была найдена телесная мотивировка наррации будущего героя-парадоксалиста – недовольство Германией объясняется всего лишь функциональным состоянием его печени:

А отчего произошла пагубная ошибка моя? Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. <...> Через два часа мне все объяснилось: воротясь в свой номер в гостинице и высунув свой язык перед зеркалом, я убедился, что мое суждение о дрезденских дамах похоже на самую черную клевету. Язык мой был желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человек, сей царь природы, до такой степени весь зависит от собственной своей печенки, – подумал я, – что за низость!» С этими утешительными мыслями я отправился в Кёльн [Там же, с. 389–390].

Стратегия типичного «физиологического» очерка в травелогe Достоевского осложнена еще и сопутствующей внутренней психофизиологией рассказчика.

Не касаясь проблемы отношений конкретного автора и его героев, отметим, что первые психологические и психофизиологические мотивировки речевого поведения антигероев своего времени Достоевский увидел в замечательной статье А. Герцена «Лишние люди и желчевики» (1860), направленной против Н. Добролюбова и его окружения:

Все они были *ипохондрики и физически больные*, не пили вина и боялись открытых окон, все с изученным отчаянием смотрели на настоящее и напоминали монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить [Герцен, с. 323];

Это не лишние, не праздные люди, это люди озлобленные, *больные душой и телом*, люди, закахнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться *желчи и отравы*, набранной ими больше чем за пять лет тому назад [Там же, с. 322].

Позже Достоевский еще более усилил телесно-патологические мотивировки злости подобных персонажей, развернув метафору Герцена в собирательный образ «новых людей», «наставников» молодежи:

Потому, голубчик, что весьма важная штука понять, в которую сторону развит человек. А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с! Ведь все это ныне *больное*, да худое, да раздраженное!.. А *желчи-то, желчи в них во всех сколько!* Да ведь это, я вам скажу, при случае своего рода рудник-с! [Достоевский, т. 6, с. 321];

С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты, у наставников раздавлен **пузырь с желчью**, везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем? [Достоевский, т. 7, с. 394].

Эту же тему подхватил Тургенев в «Нови» (1877), стихотворении «Дурак» (1878), Гончаров в «Обрыве» (1869) и т. д. Приведем несколько наиболее выразительных контекстов из «Нови»:

Волосы Маркелов имел курчавые, нос несколько крючковатый, губы крупные, впалые щеки, втянутый живот и жилистые руки. Весь он был жилистый, *сухой* – и говорил медным, резким, отрывочным голосом. Сонный взгляд, угрюмый вид – как есть *желчевик!* Он ел мало, больше катал шарики из хлеба – и лишь изредка вскидывал глазами на Калло-

мейцева, который только что вернулся из города, где видел губернатора – по не совсем приятному для него, Калломейцева, делу, о котором он, впрочем, тщательно умалчивал, – и заливался соловьем [Тургенев, т. 9, с. 186];

Марианна умолкла. *Желчь душила* ее, она решила дать ей волю, она не могла удержаться – но речь ее невольно обрывалась. Марианна принадлежала к особенному разряду несчастных существ [Там же, с. 209].

Как уже очевидно, эти новые «желчевики» вовсе не были первыми «желчными» героями русской литературы. Как представители своего литературного поколения они вступают в конфликт с желчными меланхоликами – «лишними людьми»:

«Он с детства отличался замечательною красотой, к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно *желчен* – он не мог не нравиться» [Тургенев, т. 7, с. 30]; «Он состарился, поседел, сидеть по вечерам в клубе, *желчно* скучать, равнодушно поспорить в холостом обществе стало для него потребностью, – знак, как известно, плохой» [Там же, с. 32]; «...очаровательным меланхоликом» [Там же, с. 33]; «– Ты знаешь, я иногда страдаю *разлитием желчи*, – спокойно отвечал ему Павел Петрович» [Там же, с. 86]; «С русскими он развязнее, *дает волю своей желчи*, трунит над самим собой и над ними, но все это выходит у него очень мило, и небрежно, и прилично» [Там же]; «Базаров упорно и угрюмо молчал. Одинцова раза два – прямо, не украдкой – посмотрела на его лицо, строгое и *желчное*, с опущенными глазами, с отпечатком презрительной решимости в каждой черте...» [Там же, с. 99]; «– Словно обаяние употребительнее в подобных случаях, – перебил Базаров, *кипение желчи* слышалось в его спокойном, но глухом голосе» [Там же, с. 162].

В конечном счете средоточием этих телесно-эмоциональных мотивов становится одинокий богоотступник Раскольников:

Проснулся он **желчный, раздражительный, злой** и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими **желтенькими**, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок [Достоевский, т. 6, с. 29];

Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем **желчь** и конвульсии [Там же];

Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез, но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и *тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась* по его губам [Достоевский, Т. 6. с. 41];

Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту, сходитья лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете. *Вся желчь поднялась в нем. Он чуть не захлебнулся от злобы* на себя самого, только что переступил порог Разумихина [Там же, с. 107];

Я лучше к моему приятелю *Пороху* пойду, то-то удивлю, то-то эффекта в своем роде достигну. А надо бы быть *хладнокровнее, слишком уж я желчен* стал в последнее время [Там же, с. 389].

В последнем контексте «огненная» природа одного персонажа оттеняется шутливым прозвищем другого.

В реплике Настасьи автор переводит «желчь» героя в физиологическую «кровь» его самого и преступления, совершенного им:

– Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж *печенками запекаться* начнет, тут и начнет мерещиться... [Там же, с. 12].

В русской фразеологии именно «печенки» как синоним и заместитель «внутренностей» тела вообще распространены больше, чем печень («печенки отбить», «сидеть в печенках», «достать до печенок»). Однако и типологический (злость на мир «лишнего человека» и «желчевиков»), и обозначенный выше мифопоэтический смысл «возобновляемой печени Прометея» эта форма множественного числа вполне выражает.

Итак, желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора ментальных и эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажа в русской литературе начала-середины XIX в. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекдохическим обозначением всего сатирического модуса и вошла на правах эмоциональной тоналности в набор жанровых установок диатрибы.

Список литературы

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени : 1750–1765. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 336 с.

- Вяземский П. А. Стихотворения. Л. : Совет. писатель, 1958. 507 с.
- Вяземский П. А. Заметки о комедии «Горе от ума» // Новое лит. обозрение. 1999. № 4 (38). С. 230–250.
- Герцен А. И. Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 317–328. Т. 14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов.
- Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Совет. писатель, 1990. 432 с.
- Гончаров И. А. Обломов. М. : АСТ, 2015. 640 с.
- Грибоедов А. Горе от ума : Пьесы. Стихотворения. М. : ЭКСМО, 2011. 608 с.
- Григорьев Ап. Стихотворения Н. Некрасова // Григорьев Ап. Соч. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 507.
- Губергриц Н. Б. Доброкачественные гипербилирубинемии: всегда ли они абсолютно доброкачественные? // Гастроэнтерология. № 390. 2011. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/22623> (дата обращения: 10.10.2015).
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1986. 840 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М. : 1912. Т. 1. 812 с.
- Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. М. ; Ростов н/Д : Приазов. край, 1992. 465 с.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996.
- Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. СПб. : Тип. Э. Праца, 1861. Два тома // Критика 60-х гг. XIX в. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 444 с. С. 124–156.
- Есенин С. Полное собрание сочинений. М. : Рипол классик, 2005. 800 с.
- Евтушенко Е. Молитва перед поэмой. URL: www.evtushenko.net/051.html (дата обращения: 10.10.2015).
- Жуковский В. А. О меланхолии в жизни и в поэзии // Русская беседа. 1856. Кн. 1. С. 13–27.
- Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб. : Академич. проект, 1995. 432 с.
- Лермонтов М. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Правда, 1988–1990.
- Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. СПб. : А. И. Манухин, 1865. 718 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое : Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1903. Т. 1. 779 с. Russian thought and speech.
- Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 1536 с.
- Надеждин Н. И. Опыт перевода «Горациевых Од» В. Орлова // Московский вестник. 1830. Ч. 4. С. 254–294.
- Надеждин Н. И. Сонмище нигилистов // Вестник Европы. 1829. № 1, 2.
- Некрасов Н. А. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1981–2000. Т. 1. Стихотворения. –720 с.
- Писарев Д. И. Цветы невинного юмора. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinno-yumora.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Полонский Я. Блажен озлобленный поэт... URL: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. 1937. 651 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. 527 с.
- Садовников А. Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 23 с. The concept of melancholy in the artistic system of sentimentalism and the work of V. A. Zhukovsky.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Похороны. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/proza/pohorony.html> (дата обращения: 10.10.2015).
- Толстой Л. Н. Война и мир : в 2 т. М. : Правда, 1969–1971. 753 с.
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1978–1982.
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. 502 с.

- Ювенал. Сатиры // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. М. : Просвещение, 1965. Т. 2. Римская литература. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/juvenal1_1.txt. (дата обращения: 10.10.2015).
- Bergeron P. Histoire de la littérature romaine. Paris : Wesmael-Legros, 1851. 459 p.
- Batteux Ch. Les quatre poétiques: d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux : Avec les Traductions & des Remarques par M. l'Abbé Batteux. Paris : Saillant & Nyon, 1771. 355 p.
- Boileau N. Oeuvres poétiques de Boileau Despréaux. Paris : Charles Delagrave et C., 1868. 336 p.
- Brydges E. An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man. Paris : A. & W. Galignani, 1825. 74 p.
- Byron G. Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems. Paris : Publ. by Garnier, Palais-Royal, 1839. 724 p.
- Isidor de Sevilla. Etimologii XI–XII. București : Ed. POLIROM, 2014. 215 p.
- Juvenalis Junius. Saturae 1 // Satirae. URL: <http://www.readme.it/libri/2/2019012.shtml> (mode of access: 10.10.2015).
- Le Trésor de la langue française : Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Mauricet J. J. Réflexions sur les tempéramens bilieux et mélancolique. Paris : Impr. Didot le jeune, 1782. 25 p.
- Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux : Avec des éclaircissemens historiques. Vol. 1. Paris : Isaac Vaillant, Pierre Hosse, Pierre De Hond, 1718. 404 p.
- Oeuvres de M. Boileau Despréaux, à l'usage des collèges. Lyon : F. Matheron, 1814. 303 p.
- Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Pfau T. Romantic Moods: Paranoia, Trauma, and Melancholy. 1790–1840. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2005. 581 p.
- Radden J. The Nature of Melancholy: From Aristotle to Kristeva. Oxford : Oxford University Press, 2000. 375 p.
- Quinti Horatii Flacci. Opera omnia. Vol. 2. Londini : Curante et imprimente A. J. Valpy, 1825. 1154 p.
- Quinti Horatii Flacci. Opera Omnia : The Satires, Epistles and de Arte Poetica. Vol. 2. Oxford : Clarendon Press, 1891. 498 p.
- Shears J. Digesting “Don Juan” Cantos I and II // Aspects of Byron's Don Juan. Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2013. C. 135–157.

References

- Bakhtin, M. M. (1972). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. 470 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Batteux, Ch. (1771). *Les quatre poétiques: d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux : Avec les Traductions & des Remarques par M. l'Abbé Batteux*. 355 p. Paris, Saillant & Nyon.
- Bergeron, P. (1851). *Histoire de la littérature romaine*. 459 p. Paris, Wesmael-Legros.
- Berkov, P. N. (1936). *Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni : 1750–1765* [Lomonosov and the Literary Polemics of His Time : 1750–1765]. 336 p. Moscow ; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Boileau N. (1868). *Oeuvres poétiques de Boileau Despréaux*. 336 p. Paris, Charles Delagrave et C.
- Brydges, E. (1825). *An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man*. 74 p. Paris, A. & W. Galignani.
- Byron, G. (1839). *Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems*. 724 p. Paris, Publ. by Garnier, Palais-Royal.
- Chudinov, A. N. (1894). *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A Dictionary of Foreign Words, Which Became Part of the Russian Language]. 502 p. Saint Petersburg.
- Dahl, V. I. (1912). *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vol. 1. 812 p. Saint Petersburg, Moscow.
- Damaskin, Ioann. (1992). *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [An Accurate Explanation of Orthodox Faith]. 465 p. Moscow, Rostov on-Don, Priazovsky kraj.

- Dostoevsky, F. M. (1988–1996). *Sobranie sochineniy* : v 15 t. [Collected Works]. Vols. 1–15. Leningrad.
- Dvoretzky, I. Kh. (1986). *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. 840 p. Moscow, Russkiy yazyk.
- Dudyskhin, S. S. (1861). Stikhotvoreniya N. Nekrasova [Poems by Nekrasov]. Dva toma (2nd ed.). Sankt Petersburg. In *Kritika 60-kh gg. XIX v.* (2003). Pp. 124–156. Moscow, Astrel', AST.
- Yesenin, S. (2005). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 800 p. Moscow, RIPOL klassik.
- Yevtushenko, E. *Molitva pered poemoy* [Prayer before the Poem]. URL: www.evtushenko.net/051.html (mode of access: 10.10.2015).
- Herzen, A. I. (1958). Lishnie lyudi i zhelcheviki [Superfluous and Bilious Men]. In Gertsen, A. I. *Sobranie sochineniy* : v 30 t. Vol. 14. Stat'i iz "Kolokola" i drugie proizvedeniya 1859–1860 godov. Pp. 317–328. Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Gogol, N. V. (1990). *Iybrannyye mesta iz perepiski s друз'ями* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. 432 p. Moscow, Sovetskiy pisatel'.
- Goncharov, I. A. (2015). *Oblomov* [Oblomov]. 640 p. Moscow, AST.
- Griboedov, A. (2011). *Gore ot uma* : P'esy. Stikhotvoreniya [Woe from Wit : Plays. Poems]. 608 p. Moscow, Eksmo.
- Grigor'ev, Ap. (1990). Stikhotvoreniya N. Nekrasova [Poems by Nikolay Nekrasov]. In Grigor'ev, Ap. *Sochineniya* : v 2 t. Vol. 2, pp. 507. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Gubergrits, N. B. (2011). Dobrokachestvennyye giperbilirubinemii: vseгда li oni absolyutno dobrokachestvennyye? [Benign Hyperbilirubinemia : Are They always Absolutely Benign?]. In *Gastroenterologiya*, 390. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/22623> (mode of access: 10.10.2015).
- Ivanov, Vyach. (1995). *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* [Poems. Epics. Tragedy]. 432 p. Sankt Petersburg, Akademicheskiy proekt.
- Isidor de Sevilla. (2014). *Etimologii XI–XII*. 215 p. București, Editura POLIROM.
- Juvenalis, Junius. Satura 1. In *Saturae*. URL: <http://www.readme.it/libri/2/2019012.shtml> (mode of access: 10.10.2015).
- Le Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960)*. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Lermontov, M. (1988–1990). *Sobranie sochineniy* : v 2 t. [Collected Works]. Vols. 1–2. Moscow, Pravda.
- Mauricet, J. J. (822). *Réflexions sur les tempéramens bilieux et mélancolique*. 25 p. Paris, Impr. Didot le jeune.
- Mikhel'son, A. D. (1865). *O'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25,000 Foreign Words that Have Been Loaned by the Russian language, with an Explanation of Their Origins]. 718 p. Saint Petersburg, A. I. Manukhin.
- Mikhel'son, M. I. (1903). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe* : Opyt russkoy frazeologii : sbornik obraznykh slov i inokazaniy : v 2 t. [Russian Thought and Speech. The National and the Foreign. Experience in Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories : 2 vols.]. Vol. 1. Russian Thought and Speech. 779 p. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk.
- Muller, V. K. (2007). *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [The Great English-Russian Dictionary]. 1536 p. Yekaterinburg, U-Faktoriya.
- Nadezhdin, N. I. (1830). Opyt perevoda "Goratsievkh Od" V. Orlova [A Translation The Odes of Horace by V. Orlov]. In *Moskovskiy vestnik*, Part 4, pp. 254–294.
- Nadezhdin, N. I. (1829). Sonmishche nigilistov [A Crowd of Nihilists]. In *Vestnik Evropy*, 1, 2.
- Nekrasov, N. A. (1981–2000). *Sobranie sochineniy* : v 15 t. [Collected Works]. Vols. 1–15. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 720 p. Leningrad, Nauka.
- Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux (1718). *Avec des éclaircissemens historiques*. Vol. 1. 404 p. Paris, Isaac Vaillant, Pierre Hosse, Pierre De Hond.
- Oeuvres de M. Boileau Despréaux, à l'usage des collèges. 303 p. Lyon, F. Matheron, (1814).
- Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/diatribe> (mode of access: 10.10.2015).
- Pfau, T. (2005). *Romantic Moods: Paranoia, Trauma, and Melancholy. 1790–1840*. 581 p. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

Pisarev, D. I. *Tsvety nevinnoy yumora* [Flowers of Innocent Humor]. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinnoy-yumora.html> (mode of access: 10.10.2015).

Polonsky, Ya. *Blazhen ozloblennyy poet...* [Blessed Is the Resentful Poet...]. URL: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html> (mode of access: 10.10.2015).

Pushkin, A. S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochineniy* : v 16 t. [Complete Works]. Vol. 13. Perepiska, 1815–1827. (1937). 651 p. Moscow ; Leningrad, Izd-vo AN SSSR.

Pushkin, A. S. (1986). *Sobranie sochineniy* : v 3 t. [Collected Works]. Vol. 1–3. Vol. 2. Poemy. Evgeny Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya. 527 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Quinti Horatii Flacci. (1825). *Opera omnia*. Vol. 2. 1154 p. Londini, Curante et impimente A. J. Valpy.

Quinti Horatii Flacci. (1891). *Opera Omnia : The Satires, Epistles and de Arte Poetica*. Vol. 2. 498 p. Oxford, Clarendon Press.

Radden, J. (2000). *The Nature of Melancholy: From Aristotle to Kristeva*. 375 p. Oxford, Oxford University Press.

Sadovnikov, A. G. (2009). *Kontseptsiya melankholii v khudozhestvennoy Sisteme sentimentalizma i tvorchestve V. A. Zhukovskogo* [The Concept of Melancholy in the artistic System of Sentimentalism and the Creative Work of V. A. Zhukovsky]. (Dissertation abstract). 23 p. Nizhny Novgorod.

Saltykov-Shchedrin, M. E. *Pokhorony* [Funeral]. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/proza/pokhorony.html> (mode of access: 10.10.2015).

Shears, J. (2013). Digesting “Don Juan” Cantos I and II. In *Aspects of Byron's Don Juan* (pp. 135–157). Cambridge, Cambridge Scholars Publishing.

Tolstoy, L. N. (1969–1971). *Voyna i mir* : v 2 t. [War and Peace]. 753 p. Moscow, Pravda.

Turgenev, I. S. (1978–1982). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* : v 30 t. [Complete Works and Letters]. Moscow.

Vyazemsky, P. A. (1958). *Stikhotvoreniya* [Poems]. 507 p. Leningrad, Sovetskiy pisatel'.

Vyazemsky, P. A. (1999). Zametki o komedii “Gore ot uma” [Notes on the Comedy *Woe from Wit*]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (38), pp. 230–250.

Yuvenal. (1965). Satiry [Satires]. In *Khrestomatiya po antichnoy literature* : v 2 t. Vol. 2. Rimskaya literatura. Moscow, Prosveshchenie. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/uvenal1_1.txt. (mode of access: 10.10.2015).

Zhukovskiy, V. A. (1856). O melankholii v zhizni i v poezii [About Melancholy in Life and Poetry]. In *Russkaya beseda, Book I*, pp. 13–27.

The article was submitted on 20.09.2015